

В Объединенный диссертационный совет 99.0.131.03

350063 Краснодар, ул. Красная, д. 28, каб. 25

от Кирилла Евгеньевича Рыбака

ассоциированного научного сотрудника ФГБНИУ
«Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени
Д.С.Лихачева», доктора культурологии

ОТЗЫВ

на диссертацию Натальи Владимировны Углевой
«Музейная атрибуция древнерусской мебели: подходы, методы, практики»,
представленной на соискание ученой степени доктора культурологии
по специальности 5.10.2 – Музееведение, консервация и реставрация историко-
культурных объектов

Исследование посвящено передатировке музейных предметов – мебели из собрания Государственного исторического музея¹ с помощью предложенного автором диссертации комплексного подхода, который представляет собой совокупность традиционных методов атрибуции музейных предметов (визуальный осмотр, оценка состояния сохранности, формально-стилистический анализ, технико-технологические методы).

Работа состоит из трех глав, в которых раскрываются авторские взгляды на зарождение и развитие интереса к собиранию мебели, эволюцию практик изучения мебели, описывается опыт автора диссертации по атрибуции музейных предметов из российских музеев с помощью комплексного подхода. При этом автор диссертации особо указывает, что при реатрибуции предметов он применял также «методологическую деаккумуляцию знаний» С.Ю.Штейна, в основе которой «лежит исключение информации, выработанной на предшествующих этапах изучения артефакта предшественниками» (С.28, 155, 317)².

Проведя эти изыскания, автор диссертации выносит на защиту положения, что древняя мебель становится объектом музейного коллекционирования только с XIX века, а первый этап ее изучения приходится на XIX – первую треть

¹ Далее – ГИМ.

² Здесь и далее в тексте указываются страницы диссертации, размещенной на сайте Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России.

XX века. Во второй половине XX века древняя мебель выделяется в отдельную область исследования. В первой трети нынешнего столетия автор диссертации применяет комплексный подход для пересмотра древнего этапа истории мебельного искусства и несколько предметов из собрания ГИМ выводит из «народного» искусства в *«древнерусское в качестве наследия культуры привилегированных сословий»* (С.31). Кроме того, автор диссертации считает, что установление периода создания *«древнерусской мебели»* с помощью радиоуглеродного датирования, технико-технологических исследований металла и красителей, использованных при создании указанных предметов мебели, не приносит *«актуальных результатов»* и не решает проблему конкретизации времени создания этой мебели (С.31).

Основной итог диссертационного исследования сводится к вынесенному на защиту положению, что древнерусская мебель IX–XVI веков не утрачена, сохранилась в российских музеях, ранее ошибочно причислялась к мебели, созданной в XVII–XIX веках, поскольку исследователями не применялся разработанный автором диссертации комплексный подход – *«эффективный подход для выявления, идентификации и атрибуции древнерусской мебели»* (С.19).

Практическая значимость исследования, по мнению автора диссертации, сводится, в том числе к тому, что введенные в научный оборот результаты передатировки музейных предметов, будут нужны для *«становления физико-химических методов датирования»*. Кроме того, *«сведения о древнерусской мебели могут войти в такую область науки, как искусственный интеллект для развития музееведения»* (С.34). При этом автор диссертации не уточняет, почему искусственный интеллект является отраслью науки.

Прочитав диссертацию, автореферат, ознакомившись с публикациями автора и упоминаемыми в списке использованной литературы источниками, полагаю, что диссертация не является научно-квалификационной работой, в которой разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение, либо решена научная проблема, имеющая важное культурное значение, предложенные автором диссертации решения научно не аргументированы по сравнению с другими известными решениями.

В обоснование своего мнения приведу следующие доводы.

О методологии и методах исследования, авторском подходе к изучению мебели и полученных с помощью этого подхода результатах. Автор диссертации указывает, что *«в качестве методологической основы для решения проблем, рассматриваемых в работе, использован системный подход. Он применялся при исследовании такого явления в музейной практике как атрибуция древнерусской мебели»* (С.27). При этом в положениях, выносимых на защиту, указывает, что *«в основе эффективной музейной практики выявления и атрибуции древнерусской мебели лежит комплексный подход исследования»*

(С.31). Вместе с тем комплексный подход и системный подход – это разные направления в изучении реальности³.

Поскольку автор диссертации ограничился хронологическими рамками исследования XIX – первая четверть XXI века (С.20), он приходит к выводу, что *«в период XIX – первой трети XX вв. древняя мебель впервые появилась в зоне внимания музейщиков, художников, коллекционеров, искусствоведов как одна из составных частей собраний «древностей» (С.93), и выносит на защиту, что «с XIX века древняя мебель становится объектом музейного коллекционирования в качестве памятников истории и произведений искусства» (С.30).* Однако автор диссертации не проанализировал период зарождения в России интереса к музейному делу, который восходит ко времени не ранее начала XVII столетия⁴ и отмечен развитием музейных практик на протяжении XVIII века, особенно в петровский период. Ведь *«значение исторического памятника достойного хранения, старые вещи и археологические находки получают у нас только с Петра Великого, которому принадлежат и первые указания относительно памятников письменности и древности, – «что зело старо и необыкновенно».* И в то время как на Западе музеи возникают с эпохи возрождения, наша древняя Русь хранила старые вещи: или как святыню в церковных и монастырских ризницах, или как драгоценность в царских казнохранилищах»⁵. Кроме того, докторант необоснованно сузил предмет исследования, не обратив внимания на деятельность церковных музеев и историко-археологических обществ, хотя, как отмечалось в дореволюционных источниках, *«единственным надежным средством для сохранения памятников церковной старины является заведение в каждой епархии церковного музея и историко-археологического общества для научно-исторического изучения края и охранения местной старины»⁶.*

Рассмотрим используемый докторантом подход для получения сведений о древнерусской мебели. Автору диссертации *«кажется необходимым использование нового подхода, в основе которого лежит исключение информации, выработанной на предшествующих этапах изучения артефакта предшественниками. Такая «методологическая деаккумуляция знаний» была предложена искусствоведом С.Ю.Штейном как «стратегический подход, связанный с сознательным принципиальным абстрагированием от имеющихся знаний в отношении исследуемого» (С.155, С.28).* При этом автор диссертации использует слово «подход», а не «метод научного исследования», тем самым сосредотачивая внимание читателя, что для поиска сведений о предметах мебели

³ Никандров В.В. Неэмпирические методы психологии. СПб., 2003. С.48, 49.

⁴ Струков Д. Артиллерийский исторический музей// Русский Инвалид. 1902. № 17. С.5.

⁵ Никольский С. Ставропольское епархиальное церковно-археологическое общество в первом десятилетии своего существования и деятельности (продолжение)// Ставропольские епархиальные ведомости. 1906. № 4. С.248. См. также указ Петра I от 13 февраля 1718 г.

⁶ Е.К. Санаксарские этюды (продолжение)// Полоцкие епархиальные ведомости. 1916. № 7. С.85–86.

выбирается мировоззренческая позиция, а не конкретный способ достижения цели.

Хотя автор диссертации сообщает, что ему *«кажется необходимым»* использовать *«новый подход»*, им не обосновано, насколько этот подход более совершенен, точен и признан научным сообществом при атрибуции средневековых музейных предметов, каким образом он апробирован, в каком масштабе, каковы границы применения этого подхода. Кроме того, автор подхода методологической деаккумуляции знаний в искусствоведении С.Ю.Штейн, замечает, что этот подход для *«классических искусствоведов»* может быть и не функционален, он может быть содержателен *«для исследователей современного искусства, формы которого настолько подвижны в своей трансформации, что для них не успевают сформироваться специфические продуктивные контейнеры (то, что определяет специфику и вариативность формосодержательной целостности в условиях конкретной деятельности), а также для теоретиков искусства – тех, кто должен ухватить саму сущность познаваемого, данный подход является не только чрезвычайно функциональным, но, возможно, и вообще единственным действенным средством выхода из дискурсивности, заложниками которой являются гуманитарные ученые»*⁷. Поскольку автор диссертации не исследует современное искусство и не разрабатывает теорию искусства, он должен обосновать допустимость применения методологической деаккумуляции знаний для предметного поля диссертации, чтобы исключить возможность получения некорректных выводов об исследованных музейных предметах, к которым этот подход неприменим.

Автор выносит на защиту положение, что *«в основе эффективной музейной практики выявления и атрибуции древнерусской мебели лежит комплексный подход исследования. Он базируется на рассмотрении вещи как предмета культуры, наделенного значимой информацией, на выверке мемориальной составляющей, выявлении провенанса, использовании метода формально-стилистического анализа и оценки состояния сохранности»* (С.31). Непонятно, зачем этот тезис предлагается выносить на защиту, поскольку в диссертации сообщается, что метод формально-стилистического анализа *«и прежде использовался при изучении памятников искусства различных категорий»* (С.251), а сами действия по установлению провенанса, оценке состояния сохранности традиционно с советских лет относятся к повседневным обязанностям музейных работников⁸. Более того, это положение, выносимое на защиту, вообще не нуждается в доказательстве, поскольку констатирует

⁷ Штейн С.Ю. Методологическая деаккумуляция знаний в искусствоведении// Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Философия, Социология. Искусствоведение». 2019. № 1. С.106.

⁸ См. Инструкция по учету и хранению музейных ценностей музеев системы Министерства культуры СССР (кроме художественных), утв. Минкультуры СССР 2 апреля 1968 г. и подобные инструкции.

очевидное: любой предмет материального мира содержит определенную информацию, которая изучается разными методами в зависимости от задач исследователя.

В результате применения авторского подхода докторантом передатированы около десяти предметов мебели. Вместе с тем он не учел, что в силу положений Федерального закона «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» эти предметы относятся к музейным предметам, в отношении которых государством установлены специальные правила хранения, изучения и публичного представления. Поэтому полученные автором диссертации сведения о периоде создания мебели по сути являются музейной атрибуцией и должны быть обсуждены музейным сообществом в установленном законодательством Российской Федерации порядке. Заметим, что музейная атрибуция – это сочетание искусствоведческого, источниковедческого, технико-технологического анализа и других исследований⁹; иное понимание атрибуции предлагает автор – это *«выверка мемориальной составляющей, выявление провенанса, использование метода формально-стилистического анализа и оценка состояния сохранности»* (С.31). В связи с чем сомнительно, что методы, включенные автором в *«комплексный подход»*, необходимы и достаточны для атрибуции музейных предметов, а *«комплексный подход»* обеспечивает достоверность и должное качество атрибуционной работы.

В разделе «Практическая значимость исследования» сообщается, что *«введение в научный оборот блока датированных памятников, а, значит, и использованных при их создании материалов, необходимы для становления физико-химических методов датирования, формирования баз данных для аккумуляции информации и последующего ее применения при изучении музейных предметов, что способствует оперативному решению задач по установлению времени их создания»* (С.34). То есть, по логике автора диссертации, вначале проводится комплексное исследование, заключающееся в оценке степени сохранности и формально-стилистическом анализе, делается вывод о времени создания предмета мебели, затем полученные сведения могут использоваться в физико-химических методах датирования. Таким образом, все ставится «с ног на голову»: первичны оценочные категории, тогда как результаты, полученные с помощью точных и естественных наук, – вторичны.

Докторант утверждает, что *«к итогам проведенной работы на первом этапе создания, корректировки комплексного подхода в изучении древнерусской мебели следует отнести явную необходимость применения метода формально-стилистического анализа для того, чтобы включить имеющиеся в музейных собраниях памятники в линию развития европейских стилей, выявить*

⁹ Пункт 3.4 Единых правил организации комплектования, учета, хранения и использования музейных предметов и музейных коллекций, утв. приказом Минкультуры России от 23 июля 2020 г. № 827.

их особенности и на этом основании подтвердить или опровергнуть имеющиеся сведения» (С.234); «на основании метода формально-стилистического анализа должна быть исследована стилистическая составляющая для подтверждения соответствия определенным художественным явлениям по целому ряду признаков и надёжным аналогам, которые могут быть обнаружены в различных областях искусства. Сходство памятников отечественной культуры и их зарубежных аналогов выявляется благодаря использованию трех подвидов сравнительно-исторического метода исследования – историко-диффузионного, историко-типологического и историко-генетического» (С.317). Авторское понимание этого метода, допускающее не только описание и аналитику художественной формы, но и анализ историко-культурного контекста, выходит за границы устоявшейся трактовки формально-стилистического метода. Поясним сказанное. Автор диссертации использует концепцию Генриха Вельфлина и отмечает, что «использование разноплановых источников является базой экспертирования, установления самых разнообразных аспектов. Как пишет Г.Вельфлин в книге «Основные понятия истории искусств», говоря о живописи, «Применяя все более тонкие приемы, мы можем раскрыть таким же образом связь отдельных частей и целого и найти, наконец определение индивидуальных типов стиля <...>» и представить таким образом «стиль школы, страны <...>» (С.232).

Вместе с тем взгляды Вельфлина подвергались критике, в том числе именно по причине непризнания им общественной жизни в качестве определяющего фактора развития искусства¹⁰. Однако автор диссертации не дал критической оценки допустимости использования предложенных Вельфлином подходов. Докторанту следовало бы уточнить, что им понимается под формально-стилистическим методом, каковы его границы, недостатки и достоинства.

Ценность формально-стилистического анализа для анализа мебели докторант обосновывает следующими доводами. «Вся сохранившаяся мебель, транслирующая романские или ренессансные традиции, относилась исследователями к традиционной русской народной или по умолчанию даже крестьянской, с уже известной ремаркой о национальной идее возрождения домонгольской культуры. Пренебрегая датировками предшественников, возникает уникальная возможность появления нового взгляда. Он формируется на основе применения метода формально-стилистического анализа, использовавшегося и прежде при изучении памятников искусства различных категорий. Это позволит обрести нам реальные предметы обстановки домов периода правления Рюриковичей, а отсылки наших предшественников к древним

¹⁰ Против формализма и натурализма в искусстве: Сборник статей. М., 1937. С.47. «Коль скоро мы захотим измерить вещи принципами художественной оценки, - пишет Вельфлин, - мы будем вынуждены обратиться к формальным моментам, которые сами по себе лишены выражения и относятся к процессу развития чисто оптического характера» (там же, С.47).

аналогам из области теоретической перевести в практическую и включить в базовую основу для создания новых атрибуций, влияющих на целый ряд музейных практик, в том числе, на область научного комплектования коллекций, принципы которой отражены в работе Н.И.Решетникова: «комплексность источников; <...> изучение среды бытования; <...> мемориальности; достоверности» (С.251). Автору диссертации следовало бы аргументировать, почему он считает нужным «пренебрегать»¹¹ датировками предшественников», а не хочет подвергнуть их содержательной оценке, в чем заключается процедура «обретения реальных предметов» и что вкладывается докторантом в понятие «реальные предметы». Кроме того, автор диссертации отточием исключил из цитируемого им методического пособия Н.И.Решетникова краеведческой принцип комплектования¹². Возможно, этот принцип не был задействован диссертантом при атрибуции предметов мебели, потому что мог послужить препятствием рассмотрению народной мебели XVIII–XX вв. и мебели, стилизованной «под древность» в качестве «древнерусской мебели»?

В целом использование деаккумуляции знаний позволило автору отвергнуть существующие экспертные взгляды и рассуждать о музейных предметах, выстраивая умозрительные конструкции лишь на основе стилистических параллелей.

Приведем примеры.

1. Рассматривая трон Алексея Михайловича из собрания Музеев Московского Кремля, автор диссертации сообщает, что «для определения заказчика этого уникального произведения мебельного и ювелирного искусства проанализируем сохранившиеся подлинные документы, отвергая априори существующие мнения» (С.175). Почему априори следует отвергать мнения, в числе которых имеются научно обоснованные, автор диссертации не уточняет. Также не ясно, почему нельзя было проверить гипотезы и обоснования других исследователей о троне Алексея Михайловича, в том числе с привлечением архивных документов? Таким образом предложенный автором диссертации подход формально-стилистического анализа в сочетании с «методологической деаккумуляцией знаний» привел к появлению в диссертации абстрактных конструкций в обоснование взглядов докторанта.

«Возникает впечатление, что ювелирная декорация и вышивка [на троне Алексея Михайловича] появились вторично, а первоначально поверхность была покрыта дивными росписями. Если оперировать данным предположением, становится очевидно, что кресло было выполнено задолго до 1659 г., как уже указывалось, в XV–XVI вв.», пишет автор диссертации (С.178).

¹¹ Здесь и далее разрядка в тексте моя, К.Р.

¹² Решетников Н.И. Музей и комплектование собрания. М., 2005. С.217.

Таким образом, «очевидный» вывод о датировке упомянутого трона построен на основе «возникающих впечатлений», «дивных росписей» и «предположений», что научного исследования, тем более для докторской диссертации, недопустимо.

2. Вызывает сомнение авторская атрибуция трона середины XVII века, облицованного резными пластинами слоновой и моржовой кости (т.н. «костяной трон»). Автор диссертации стилистически связывает его с «костяным креслом VI в., выполненным византийскими мастерами для Архиепископа Максимиана Равенского» (С.181) и затем сообщает, что «возможно, в основе ... художественно-идейного решения находился общий образец – знаменитый трон царя Соломона, 1011–928 гг. до н.э., из описания которого были заимствованы некоторые приемы изготовления: «И сделал царь большой престол из слоновой кости <...> верх сзади у престола был круглый <...>» (С.181). Далее автор предполагает, что «создание костяного кресла в отечественных мастерских, где работали и иностранные специалисты, было делом вполне реальным. Практика создания мебели в России имела многовековой опыт, а знакомство с европейской мебелью благодаря бытовавшей в дворцовом обиходе, позволяло осваивать новые приемы формообразования и декорировки, в том числе и резьбу по кости. Однако подтвердить эту гипотезу возможно лишь после тщательного исследования технических особенностей исполнения кремлевского артефакта» (С.183–184). Затем подытоживает, «что основная часть декора изучаемого предмета, выполнена европейскими мастерами. Вопреки тому, что форма подлокотников характерна для мебели Ренессанса (начало XIV – первые десятилетия XVII в.), определяющим фактором все же является наличие флемованного дорожника – характерного элемента барокко, наличие которого, в конечном итоге, и позволяет определить нижнюю границу даты создания предмета – после 1621 г. Этот период определяется как переходный от эпохи Возрождения к барокко, когда создавались предметы с чертами уходящего и нарождающегося стилей. Верхняя граница создания памятника относится к 1830 году, когда было зафиксировано его изображение с рядом очевидных преобразований, близкое к современному» (С.188–189). Таким образом, автор высказывает предположение о русском происхождении трона - не аргументируя это ничем кроме возможных заимствований, а затем без отрицания своего предположения выдвигает новый тезис о том, что кресло выполнено европейскими мастерами. При этом предлагает две датировки - начало XVII века и начало XIX века, не смущаясь, что между ними два века.

3. Необходимость исследования тронного кресла царя Бориса Годунова из собрания Музеев Московского Кремля, автору представляется в том, что «в настоящее время у исследователей не сложилось единого мнения по вопросу его окончательной атрибуции» (С.161). Далее отмечается, что «по данным, почерпнутым из этикетажа, данное тронное кресло изготовлено в Иране в XV–XVI вв.» (С.161). Автор диссертации приходит к выводу, что «использование в ряду декоративных элементов, ярко выраженных фиал, тех, что находятся на спинке и гармонично встроены в облик предмета,

демонстрирует воздействие высокой готики XV–XVI вв., которая в этот период получила наибольшее распространение в ряде стран Европы... совокупность всех перечисленных визуальных признаков позволяет атрибутировать кресло как образец персидской работы XV–XVI вв., в манере художественного образа которого явно прослеживается использование европейского наследия – романского искусства и готики» (С.166, 168). При этом автор не сообщает, у каких именно исследователей не сложилось единого мнения об атрибуции кресла и, в чем эти мнения заключаются. Не ясно о какой «высокой готике XV–XVI вв.» идет речь, если согласно принятой классификации стилей высокая готика приходится на период конца XII – середину XIII вв. Это замечание становится более интересным, поскольку в результате «рассмотрения внешнего облика» трона царя Михаила Федоровича автор диссертации сообщает, что «становится очевидным, что время его происхождения следует определить периодом господства Ренессанса в Европе – XV–XVI вв.» (С.172). Все же, какой стиль, по мнению автора, распространялся в Европе в XV–XVI вв.: высокая готика или Ренессанс? Не менее бездоказательно утверждение автора о сочетании персидского происхождения кресла и содержащегося в нём «европейского наследия - романского искусства и готики». Интересно, как к тому заключению относятся историки иранского искусства?

4. В ходе атрибуции стола (ГИМ 87266 Д-II-1878¹³) автор диссертации сравнивает изображенный на столе двуглавый орел, в лапах которого скипетр и свиток (меч?) с иконографией гербовой фигуры на Государственном гербе Российской Империи, в лапах которой скипетр и держава (Т.2. С.38. Рис.33). Далее автор, сообщая о «соответствии изображения государственного герба России геральдике XIX в.» (С.198) приходит к выводу, что стол относится «к кустарному производству конца XIX столетия» (С.198). При этом автор не дает оценку тому обстоятельству, что изображение двуглавого орла на столе отличается от изображения двуглавого орла на государственном гербе Российской Империи.

5. Отнесение автором складного стула (ГИМ 78678 Д-I-4137) к XV – началу XVI вв. (С.211–212) обосновывается предположениями, а не научно обоснованными выводами. Автор критикует имеющуюся атрибуцию стула в инвентарной книге ГИМ («Стул складной с высокой спинкой, простого липового дерева, собранного из отдельных пластин на деревянных гвоздях. 1870–1880 гг.») и указывает, что «с первого взгляда в нем можно узнать ренессансный итальянский образец XV–XVI вв. в русской интерпретации, судя по разновидности древесины, из которой он изготовлен. Это – широко распространенная в мебельном производстве России береза» (С.211).

¹³ Здесь и далее указываются номера музейных предметов так, как написано в диссертации.

Таким образом, на основании «первого взгляда» датировка стула смещается на четыре столетия.

6. Светец (ГИМ 15887щ Д-Ш-2450) автор диссертации относит к произведениям Русского Севера XIII–XVI вв. и сообщает, что «в XVIII в. этот вид торшера исчез из интерьеров дворянства и как не востребованный существовал в других слоях общества» (С.214). Неясно, как «не востребованный вид» мог несколько столетий использоваться в быту. Обоснование столь раннего происхождения светца автор строит исходя из сохранности предмета, «подтверждающей древнее происхождение предмета», «выветренности и иссушенности древесины» светца (С.214, 215). Вместе с тем строить доводы о древности предмета только по состоянию сохранности не верно, для примера, можно привести многочисленные детские люльки (зыбки) XIX–XX вв., хранящиеся в российских музеях, которые отличаются простотой форм, грубостью работы, архаичностью, геометрическим рисунком резьбы и плохим состоянием сохранности (см. Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации¹⁴ № 6101293, № 62735968, № 59288649, № 64420373, № 33336306 и др.). С другой стороны, в российских музеях хранятся деревянные археологические предметы, имеющие хорошую сохранность.

7. «В коллекции Исторического музея кроме колыбелей имеются несколько детских скамей и стульчиков для сидения на ножках... и с колесиками – для игры, пока существующих со старой атрибуцией XVI–XVII вв.» сообщает автор диссертации (С.130–131). Период создания одного из таких стульчиков по версии автора диссертации – XIII–XIV вв. (ГИМ 1961щ Д Ш-1149, авторская датировка указана под рисунком 18 (Т.2. С.23). При этом обоснование этого вывода в диссертации не приводится. Наверно, докторант исходил из внешнего облика стульчика, его простых форм и неудовлетворительной сохранности. Вместе с тем подобные стульчики имеются в российских музейных собраниях и датируются концом XIX – серединой XX вв. (см. Госкаталог № 62835054, № 38011904, № 51050505, № 49143447, № 40445203, № 40226649, № 35965845, № 24998574, № 9001039, № 2840996, № 3084329). Поскольку в диссертации в качестве источниковой базы не были задействованы ресурсы Госкаталога, такого сравнительного анализа не проведено.

8. Автором диссертации передатирован стул (ГИМ 37142 Д-П-832) с первой половины XVIII в. на IX–XI вв. и определено место возникновения стула – Киевская Русь (Т.2. С.48. Рис.43). К этому выводу автор диссертации пришел с учетом дефектов сохранности стула, того, что он «изготовлен из дуба, что априори отрицает происхождение из народной среды» и художественного решения музейного предмета (С.221, 222). Вызывает недоумение довод, что дубовая мебель была привилегией состоятельных слоев населения.

¹⁴ Далее – Госкаталог.

Опровергается он просто – на многочисленных торговых площадках в Интернете продается крестьянская мебель XIX–XX вв., выполненная именно из дуба. Более того, еще Н.Н.Соболев отмечал, что дуб «был гораздо более распространен в центральной полосе России, чем теперь. Иностранцы путешественники в своих записках отмечают наряду с сосной обилие дуба и клена»¹⁵. Кроме того, существуют многочисленные географические названия, подтверждающие распространение на Руси дубовых лесов. Про принадлежность мебели, которая рассматривается в диссертации, состоятельным сословиям, сообщается и в сноске на странице 229 – *«Важно отметить, что в исследовании рассматривается мебель, существовавшая только в аристократических слоях русского общества или в церковном быту. Предметы народного обихода сохранились до нашего времени лишь с XVIII в.»*. Возникает вопрос, как же сохранилась эта древняя мебель, если по версии автора диссертации она *«оседала в домах более низких слоев общества»* (С.229), которые очевидно могли ее утилизировать (вспомним пассажи в диссертации о руинированном состоянии сохранности древней мебели) и заменить новой дешевой (не из дуба, как следует из логики докторанта) мебелью. Кроме того, докторант не учел, что вырезанная на деталях стула *«зубчатая кайма из параллельных полос»*, *«круглые оттиски с точкой в центре»* (С.222, 223) и иные резные орнаменты могут представлять собой «бродячие сюжеты», которые пронизывают века и культуры, вплоть до неолита.

9. Автор диссертации замечает, что *«... первое, что следует определить при атрибуции мебели, это – функциональное назначение, или, точнее сказать, «смысл существования», что непременно будет отражено или поддержано его художественной программой. Именно пересечение этих двух линий позволит аргументировано обосновать и временной отрезок/дату происхождения»* (С.234). Вместе с тем он не руководствовался этим принципом при атрибуции стола (ГИМ 110920 Д-П-2721. Т.2. С.7. Рис.2). С учетом размеров этого предмета (56x157x62), трапециевидной формы столешницы, подстоля, которое находится почти вровень с краем столешницы, что не позволяет за ним сидеть, можно предположить, что он использовался в церкви при отпевании. Датируя предмет XIV веком, автор диссертации не дал оценку этим обстоятельствам возможного функционального назначения стола.

Об отказе от применения радиоуглеродного анализа и необоснованном игнорировании дендрохронологического датирования при атрибуции предметов мебели. На защиту внесено положение, что *«в атрибуции древнерусской мебели практика исследования древесины методом радиоуглеродного анализа не приносит актуальных результатов»*,

¹⁵ Соболев Н.Н. Русская народная резьба по дереву. М., 1934. С.13.

т.к. полученные в качестве итога хронологические рамки исчисляются несколькими веками» (С.31). Этот вывод как минимум спорен, и сделан автором диссертации без вдумчивого анализа достижений в области радиоуглеродного датирования археологических памятников и произведений декоративно-прикладного искусства.

В тексте диссертации при обсуждении метода радиоуглеродного датирования автором привлекаются только методическое пособие А.А.Тишкина и статьи двадцатилетней и десятилетней давности. Вместе с тем в 2011 году Я.В.Кузьмин пришел к выводу, что «даже беглый обзор основных тенденций использования ¹⁴С метода в археологии в 1990–2000-е гг. показывает, что данное направление превратилось в самостоятельную отрасль на стыке археологии и естественных наук; она позволяет проводить такие исследования и получать такие результаты, которые были попросту невозможны в предыдущие годы»¹⁶.

Метод радиоуглеродного датирования в сочетании с дендрохронологическим датированием хорошо зарекомендовал себя как в России, так и за рубежом при изучении средневековой мебели, иных деревянных предметов, а также икон.

Например, с помощью метода дендрохронологического датирования было изучено более 70 предметов мебели из Рейксмузеума (Амстердам). Обзор исследований применения указанного метода от методики отбора проб до интерпретации результатов в отношении семи инкрустированных шкафов XVII–XVIII вв. приведен в статье Paul van Duin (2023)¹⁷.

В статье Tomasz Ważny (2021) отмечается, что «дендрохронологическое датирование объектов, состоящих из ограниченного количества деревянных элементов, таких как панно для живописи, скульптуры, скрипки и двери, доказало свою эффективность и стало распространённой практикой во всем мире... В Эстонии, где, например, датируются деревянные переплеты книг XIV века и старые затонувшие корабли»¹⁸. Так, в результате дендрохронологического исследования установлено, что «внутренняя дверь бывшей тюрьмы в Бременской башне в Таллине была изготовлена из трех дубовых досок на рубеже XIV и XV веков. Дендрохронологическая датировка двери хорошо согласуется с документальными источниками, датирующими строительство башни периодом 1400–1410 гг., что делает эту дверь оригинальным элементом здания»¹⁹.

¹⁶ Кузьмин Я.В. Радиоуглеродный метод датирования в археологии// Российский археологический ежегодник. 2011. № 1. С.563.

¹⁷ Paul van Duin, et al. Dendrochronological Dating of Northern Netherlandish Furniture from the Late-17th and Early-18th Centuries// International Journal of Wood Culture. 2023. Vol.3. Issue 1-3. P.305–328.

¹⁸ Tomasz Ważny et al. A Door in Use in Tallinn Appeared to Be Over 600 Years Old// Baltic Journal of Art History. Vol.21. 2021. P.79, 80.

¹⁹ Ibid. P.91.

В работе Ewelina Imiołczyk (2023) описаны результаты исследования с помощью методов радиоуглеродного анализа (^{14}C) и дендрохронологического датирования трех предметов польского культурного наследия. «Первым из них была богато украшенная деревянная трость, обнаруженная при раскопках на рынке в городе Бытом. Археологический контекст указывает на XIII в., и результат радиоуглеродного датирования идеально соответствовал этому времени, подтверждая, что это самый старый объект такого вида в Польше. Вторым предметом была 4-метровая дубовая колонна из костела Святого Леонарда в Липнице-Мурована, объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО. Местная легенда гласит, что она ранее была посвящена Святовиту, языческому божеству. Проведенный анализ исключил дохристианский период, поскольку дерево было срублено не ранее конца XV века, что согласуется с историческими записями. Третьим объектом была деревянная церковь Святого Лаврентия в Бобровниках. Пресвитерий был покрыт полихромной живописью, состоящей из пяти слоёв, некоторые из которых представляли высокую художественную ценность... с помощью метода точного сопоставления возрастной интервал был сужен до 1731–1754 гг.»²⁰.

Теперь обратимся к российским исследованиям. В 2012 году З.Ю.Жарниковым была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Историко-дендрохронологический анализ памятников деревянного зодчества северо-запада Иркутской области». Им установлено, что использование дендрохронологического метода позволяет установить с точностью до года (сезона рубки) дату изготовления древесины, а значит начало строительства для недвижимых объектов культурного наследия, расположенных в архитектурно-этнографических музеях Иркутской области. Сопоставление исторической и дендрохронологической информации позволяет верифицировать даты постройки сооружений памятников деревянного зодчества Иркутской области, установив тем самым время их сооружения»²¹.

К.В.Ворониным, А.В.Долгих и В.В.Мацковским (2014) установлено, что «сочетание дендрохронологического и радиоуглеродного датирования иконных досок является наиболее корректным подходом определения памятников иконописи, т.к. эти методы, дополняя друг друга, позволяют получать наиболее достоверные результаты. У каждого из этих методов имеются ограничения применения, но их совместное использование позволяет в некоторой степени их компенсировать и увеличить вероятность получения правильного результата. Статистически достоверные результаты дендрохронологического датирования памятников искусства также позволяют определить регион произрастания

²⁰ Ewelina Imiołczyk et al. Dating of Wooden Heritage Objects in the Gliwice ^{14}C and Mass Spectrometry Laboratory/ Selected Papers from the 24th Radiocarbon and 10th Radiocarbon & Archaeology International Conferences, Zurich, Switzerland, 11–16 Sept. 2022. 2023. P.1.

²¹ С.12 автореферата диссертации З.Ю.Жарникова.

дерева, из которого изготовлена доска иконы»²². Так, для иконы Богоматерь Иерусалимская, которая по данным искусствоведческой экспертизы относилась к первой половине XV века, по результатам технологического исследования к началу XV века, получены «дендрохронологическая дата внешнего кольца доски – 1524 год (высокая статистическая достоверность), радиоуглеродная дата 1524–1546 гг. (68,2%)... Дендрохронологический анализ деревянной основы иконы показал, что сосна, из которой она изготовлена, произрастала на Русском Севере, наиболее вероятно – на севере Архангельской области. Этот географический регион, вероятно, можно рассматривать и как место написания этой иконы, так как импорт древесины с этих территорий в другие районы Руси в XV–XVI вв. был маловероятен и не упоминается в источниках»²³.

Продолжим примеры эффективности применения обсуждаемых методов. «При исследовании средневековых икон методом дендрохронологии очень важно представлять, насколько точно полученные дендрохронологические даты иконных досок отражают историческую дату написания иконы. Этот вопрос может быть корректно решен только одним способом: необходимо датировать дендрохронологическим методом серию икон, на которых указаны даты их создания. Речь идет об иконах с вкладными надписями и с датами, указанными в подписях иконографов. Для одного из таких памятников, иконы «Великомученик Дмитрий Солунский со сценами жития», происходящей из русского Севера и, согласно вкладной надписи, созданной в 1595–1596 гг., была получена дендрохронологическая датировка – 1587 г. Дендрохронологическая дата последнего сохранившегося годичного кольца иконной доски оказалась древнее известной даты создания этой иконы на 9 лет. В случае исследованной иконы этот дендрохронологический интервал является суммой двух интервалов: первого, соответствующего числу утраченных внешних годовых колец, и второго – периода, прошедшего от заготовки древесины до написания иконы»²⁴.

В 2017 году группой исследователей было выполнено дендрохронологическое датирование и радиоуглеродное УМС²⁵-датирование и обосновано, что сочетание указанных методов датирования шести икон XV–XVII вв., происходящих с севера Европейской России и написанных на досках, изготовленных из сосны обыкновенной «позволяет добиться высокой точности определения возраста памятников иконописи, уточнить и дополнить историческую информацию о бытовании этих памятников. Совместное

²² Воронин К.В., Долгих А.В., Мацковский В.В. Сравнительное радиоуглеродное и дендрохронологическое датирование иконы «Богоматерь Иерусалимская». Краткие сообщения Института археологии РАН (КСИА). Выпуск 236. 2014. С.353.

²³ Там же. С.353.

²⁴ Воронин К.В., Мацковский В.В. Дендрохронологическое датирование подписной вкладной иконы 1595–1596 гг. «Великомученик Дмитрий Солунский с житием» // КСИА. Вып. 246. 2017. С.356.

²⁵ Ускорительная масс-спектрометрия.

использование этих методов позволяет в некоторой степени компенсировать ограничения каждого из них и увеличить точность датирования»²⁶.

Кроме того, интересен вывод, полученный в результате исследования иконы «Святой Николай Мирликийский со сценами жития», которая с высокой вероятностью была написана после 1488 года. При этом дендрохронологическая дата внешнего кольца – 1488 год (низкая статистическая достоверность), расчетная радиоуглеродная дата для внешнего кольца – 1488–1496 гг. (68,2%), по результатам искусствоведческой атрибуции икона датирована первой половиной XV в., по данным химико-технологического анализа – началом XV в. «При недостаточной надежности дендрохронологической датировки, статистическая процедура согласования для серии из пяти радиоуглеродных дат позволила с высокой достоверностью датировать икону узким временным интервалом конца XV в. при этом, сделанные искусствоведами и химиками-технологами, датировки иконы были омоложены на полвека»²⁷.

Вместе с тем автор диссертации проигнорировал возможность использования дендрохронологического датирования, что в сочетании с радиоуглеродным датированием могло бы повысить надежность датировок создания мебели. Докторант использовал результаты радиоуглеродного датирования пяти предметов мебели из собрания ГИМ. Полученные результаты были ею отклонены, поскольку противоречили результатам предложенного автором «комплексного подхода в атрибуции древнерусской мебели».

В диссертации сообщено, что «В результате исследования, проведенного Институтом географии РАН, были предложены новые датировки. Так, время создания стола (XIX в. по документации ГИМ), появившегося, как мы полагаем, не ранее XV столетия, варьировалось между 1664 и 1950 гг., выводя среднюю дату – 1767 г. Аналогичное противоречие между имеющимися и вновь выработанными датировками относится и к курульному стулу (1870–1880-е гг. по учетной документации ГИМ), относящегося, по нашему мнению, к образцам XV – первой половины XVI вв. В результате проведения анализа время его изготовления варьировалось между 1707 и 1955 гг. и в качестве средней даты предлагался диапазон между 1695–1726 гг., что не согласуется с приведенными выше характеристикам периодов создания произведений. Самый ранний памятник собрания ГИМ, относящийся к Древней Руси IX–XIV вв. (первая половина XVIII в. по учетной документации ГИМ) рассматривался на отрезке 1678–1947 гг., получив среднюю дату 1804 г., не соотносящуюся ни с датировкой, зафиксированной в инвентарных книгах, ни с современной

²⁶ Долгих А.В., Мацковский В.В., Воронин К.В., Соломина О.Н. Комбинированное дендрохронологическое и радиоуглеродное датирование шести русских икон XV – XVII вв.// Доклады академии наук. Том 474. 2017. № 6. С.737, 740.

²⁷ Воронин К.В., Мацковский В.В., Долгих А.В. Радиоуглеродное и дендрохронологическое датирование краснофонной иконы «Святой Николай Мирликийский со сценами жития»// КСИА. Выпуск 242. 2016. С.218.

атрибуцией. Курульное кресло (конец XVII в. по учетной документации ГИМ), происхождение которого доказано и связано с XV – первой половиной XVI вв., получило хронологические рамки 1686–1926 гг., где в качестве среднего показателя зафиксирован 1843 г., что не соответствует как изложенным в учетной документации, так и в реатрибуционных изысканиях сведениям» (С.254–255).

Таким образом, автора диссертации не устроили выводы, полученные с помощью радиоуглеродного датирования, поскольку они не согласуются с его предположениями на основе «комплексного подхода», несостоятельность которого была обсуждена нами выше. Более того, не ясен подход автора, отрицающего результаты радиоуглеродного анализа курульного кресла лишь потому, что они не согласуются с датировкой в учетной документации (автор подвергает и эту датировку сомнению), а также с «реатрибуционным изысканием» автора диссертации. Поэтому писать о «доказанном происхождении» курульного кресла XV – первой половиной XVI вв. (С.255), неверно.

Докторант не описал методику формирования репрезентативной выборки предметов мебели для исследования, методику забора образцов для радиоуглеродного датирования, порядок подготовки образцов для исследования, используемое оборудование для измерения концентрации радиоуглерода, а также программное обеспечение для калибровки результатов радиоуглеродного анализа. Поскольку автор диссертации не проработал указанные моменты, полагаем, он со всей очевидностью подтвердил цитируемый им же тезис А.А.Тишкина, что «практика радиоуглеродного датирования показала, что причины существующих разногласий и «неправильных» результатов заключаются, прежде всего, в нарушении правил отбора проб, а также в неверной интерпретации полученных данных, в непонимании особенности применяемого метода» (С.257).

В итоге автор диссертации указывает, что «радиоуглеродный метод... оказался неактуальным, в первую очередь, по причине невозможности получения надежных проб» (С.260). Поскольку, как уже отмечено, в диссертации не описана методика забора проб для анализа, не проанализирована обширная научная литература по этой проблематике, процитированное положение диссертации, равно как и положение, выносимое на защиту (о неэффективности радиоуглеродного анализа для датирования средневековой мебели), представляют собой умозрительные заключения, а не научно обоснованные выводы по результатам исследования.

Не подкрепленные источниками положения диссертации

1. *«На основании полученного опыта стало очевидным, что, в настоящее время наиболее надежным методом датирования древней мебели является комплексный подход к исследованию. Он с успехом применяется к памятникам*

XVIII–XX вв., не вызывая сомнений у коллег» (С.260–261). Вместе с тем в диссертации не даются ссылки на работы историков, искусствоведов и сотрудников музеев, которые с «успехом» применяют этот подход.

2. *«Отечественное происхождение предмета [шкаф, ГИМ 87375 Д-II-2046] не вызывает сомнений. Он логично выписывается в большую группу русской расписной мебели, хранящейся в ГИМ»* (С.263, 264). При этом в диссертации не обосновано, почему у читателя диссертации не должно быть сомнений о русском происхождении шкафа и что такое «логичное вписывание» в состав собрания русской расписной мебели.

3. *«Это – свечной стол. То, что это вещь появилась в глубокой древности, наглядно демонстрирует утрата ножек. Из практики известно, что разрушение происходило постепенно и занимало длительное время. Как правило, причиной служила концентрировавшаяся на полу влага. По мере ее впитывания, древесина деструктировалась, благодаря чему терялась и прочность опоры. Производилось удаление «больной» части до плотного слоя. Регулярный повтор этой манипуляции в итоге приводил к полному исчезновению ножек»* (С.281). Таким образом, вероятно, по логике диссертанта, стол со временем превращался в тумбу. Кроме того, непонятно, почему потеря ножек является безусловным подтверждением «глубокой древности» и зачем было на протяжении веков хранить негодный для использования по назначению свечной стол, если можно было восстановить ножки и вернуть ему первоначальное назначение. Кроме того, поскольку свечной стол очевидно стоял на деревянном полу, о какой влаге пишет докторант?

4. Изучая т.н. «Стол царевны Софьи» (ГИМ 19234 Д-II-665) автор диссертации предлагает «для подтверждения или изменения датировки стола» рассмотреть его «в качестве объекта искусства, отрешившись от провенанса» (С.290). Далее автор обращает внимание, что брусочная конструкция сконструирована «как кажется, в результате поиска идеальных арифметических и гармонических пропорций» (С.293). При этом на изображении «коврового покрытия» на столешнице «один из крайних резервов уместился лишь наполовину» (С.294), вместе с тем «экспозиция исследуемого объекта рассчитана на демонстрацию полностью, т.е. так, как это было принято в эпохи готики и Ренессанса, давая возможность увидеть и оценить гармоничное построение этого произведения, заключающееся в симбиозе строгого ритма геометрических членений опоры и многоцветия росписи столешницы, имеющей свой собственный размеренный повторяющийся темп» (С.294, 295). Из этой цитаты остается неясным, почему «идеальные гармонические пропорции», о которых пишет автор диссертации, переросли в обрезанный орнамент на столешнице, которая к тому же свидетельствует «о гармоничном построении» упомянутого музейного предмета. Заметим, что очевидно использование комплексного подхода к атрибуции стола позволило автору диссертации прийти к заключению, что «в результате углубленного изучения удалось подтвердить отечественное происхождение памятника

[«Стол царевны Софьи»]. Обнаруженные аналоги позволили подтвердить, что подобная мебель существовала в европейском обиходе во времена готики и Ренессанса. Суммируя результаты, стало очевидным, что изучаемый объект демонстрирует транзитное состояние, сочетающие черты указанных художественных направлений. Подводя итог, отметим, что группа из двух памятников [«Стол царевны Софьи» и «Кресло царевны Софьи»], которая благодаря деятельности графини П.С.Уваровой вошла в состав коллекции Исторического музея, объединяет разновременные, но совершенно уникальные артефакты» (С.48). За пределами диссертации при этом осталось, в чем заключалось «углубленное изучение», каким образом удалось «подтвердить отечественное происхождение памятника», что такое «транзитное состояние», какие именно были «обнаружены аналоги» и в чем содержательная связь этих аналогов со столом, в чем заключается «демонстрация транзитного состояния» и почему кресло «безусловно» создано после смерти царевны Софьи.

5. В результате атрибуции курульного кресла (ГИМ 1880щ Д-II-657) автор диссертации устанавливает хронологические границы изготовления этого предмета между XI–XVI вв. (С.303). В отношении шкафа (ГИМ 33956 Д-II-1390) автор диссертации отмечает, что «главным атрибуционным признаком корпуса шкафа является аутентичный нащельник, имеющий продольную вертикальную профилировку. Подобный декоративный прием встречается в опорах стола и кресел XIV–XV вв. Ростиси внутренней части отнесены к 1715 гг. На этом основании датировка шкафа сегодня находится во хронологических рамках между XIV в. и 1715 г.» (С.311). В связи с этим возникает закономерный вопрос, почему в результате применения «комплексного подхода» допускается установление границ в половину тысячелетия, а при радиоуглеродном датировании меньшая ширина временных рамок считается недостатком метода (С.257).

6. Шкаф (ГИМ 87375 Д-II-2046) отнесен автором диссертации к библиотечному шкафу, созданному в диапазоне между серединой XII и первой третью XIII столетий (С.272): «Возвращаясь к назначению шкафа, считаем, что правомерно отнести его к книжным и уточнить предложенным нами термином «библиотека», т.к. размер вполне соответствует количеству изданий, составлявших имущество состоятельных и просвещенных людей XII–XIII вв. Не найдя свидетельств этого времени, обратимся к периоду на 100 лет позднее, что, по нашему мнению, является правомерным, т.к. уклад жизни за столетие претерпевал изменения, но не столь кардинальные как в настоящее время. Так, известно, что личная, келейная библиотека преподобного Кирилла Белозерского (1337–1427), например, состояла всего из 12 книг... Экспонат из коллекции ГИМ является шкафом-«библиотекой» для хранения книг. Он был выполнен отечественными мастерами в романо-готическом стиле между 1150 и 1235 гг. и является самым ранним из сохранившихся образцов корпусной мебели домонгольской Руси» (С.271–273).

Сделав столь существенное заявление, автор диссертации не пояснил, почему он ограничил время создания шкафа 1150–1235 гг., а не, например, 1144–1248 гг. Автором диссертации указывается высота шкафа (93,5 см), а также, что *«Верхняя часть предмета лишена отделки, из чего можно сделать вывод, что она не предназначалась для обзора, соответственно, изначально было predetermined его расположение на уровне роста человека»* (С.265, 266). Таким образом, подразумевается, что шкаф стоял на опорах (ножках, козлах, столе), вместе с тем ни фотографий основания шкафа, ни описания следов крепления ножек в диссертации не дается. Может наоборот, шкаф висел на стене так, что верхняя часть шкафа была на высоте человеческого роста? Особо автор выделяет резную антропоморфную голову в навершии нащельника между дверцами шкафа. *«Не вызывает сомнений, что включение в декор не только скульптурной антропоморфной головы, но и использование этого элемента в качестве завершения полуколонны, украшенной резным орнаментом, является результатом освоения романо-готической стилистики. Это ярко проявилось в белокаменной резьбе Владимиро-Суздальского зодчества XII–XIII вв. Особая близость обнаруживается с церковью Покрова на Нерли середины XII в., где на внешней поверхности здания размещены маски, и с резными полуколоннами с антропоморфными ликами в капителях Храма Святого Георгия в Юрьев-Польском (1230–1234 гг.)»* (С.266). Вместе с тем автор не принимает в расчет, что подобные предметы могли быть более позднего времени и воспроизводить старые образцы.

О результатах исследования и их апробации. Во втором томе диссертации приводятся изображения музейных предметов, которые анализируются докторантом. Поскольку в диссертации отсутствует сравнительная таблица результатов передатировок предметов мебели из собрания ГИМ, полученных докторантом по сравнению с имеющимися датировками предметов, нами проведена эта работа и установлено следующее.

В диссертации указаны номера музейных предметов, которые не соответствуют этим предметам. Например, указываемый автором диссертации номер ГИМ 103796 используется в структуре номеров более 100 музейных предметов, в связи с чем после номера 103796 через «косую черту» указывается дополнительный номер для индивидуализации предмета. Таким образом, вместо номера ГИМ 103796 для обсуждаемых в диссертации музейных предметов (Т.2. С.16, 18. Рис.11, 13) следует указывать 103796/134, 103796/23. Подобное замечание касается и номера ГИМ 78678 – должно быть 78678/23.

Автор передатирует к домонгольскому периоду и Высокому Средневековью музейные предметы, но не проводит анализа особенностей их изготовления в эти периоды. Также нет описания материалов, из которых изготовлены исследуемые в диссертации предметы мебели, не даны обмеры, состояние сохранности и сведения о реставрационных вмешательствах. При этом изображения музейных предметов или их фрагментов сделаны

с низким разрешением, что не позволяет визуально оценить, насколько верны заключения автора диссертации об особенностях этих предметов (см., например, номера ГИМ 4343ш, 87266).

В описании музейных предметов под рисунками даны авторские датировки предметов без указания тех датировок, которые указаны в учетной документации ГИМ, что представляется некорректным. Кроме того, во втором томе диссертации есть задвоение одних и тех же изображений музейных предметов (см. таблицу), а также разные авторские атрибуции одних и тех же предметов (см., например, «Кресло с переметной спинкой. Великий Новгород? XIV–XV вв.» (Т.2. С.16. Рис.11) и «Кресло. Вторая половина XIV – начало XVI вв. Великий Новгород» (Т.2 С.54. Рис.49)).

Хочется напомнить, что в компетенцию экспертной фондово-закупочной комиссии музея в части формирования Музейного фонда, учета и хранения музейных предметов входит внесение изменений в учетную документацию по результатам новой атрибуции, реставрации, научных исследований музейных предметов и другим причинам. В Главную инвентарную книгу музея вносятся реквизиты протокола ЭФЗК о внесении изменений в сведения о музейном предмете²⁸. Вместе с тем, после передатировки и уточнения провенанса изменения в учетную документацию не вносились.

Таблица

Сравнение авторских атрибуций музейных предметов из собрания ГИМ и описаний этих предметов в Госкаталоге и на сайте ГИМ (электронный каталог)

Номер ГИМ	Инв. номер	Номер в Госкаталоге	Описание в диссертации	Описание согласно https://catalog.shm.ru/ и Госкаталогу (если отличается от описания с сайта ГИМ)
110920	Д-П-2721	17002581	Стол, XIV в. Т.2 С.7 (рис.2) Стол, XIV в. Хвойная порода дерева, береза, воск. Столярная работа, резьба, вошение Т.2. С.74 (рис.69)	Стол. Россия. XVII в.
60082	Д П-203	5366582	Стул из коллекции Музея Мебели. Корпус – XIV в., спинка – конец XIX – первая четв. XX в. Т.2 С.13 (рис.8)	Стул, Россия, XVIII в. В Госкаталоге период создания не указан, изображение отсутствует

²⁸ Пункт 3.7, подпункт 4 пункта 4.8 Единых правил организации комплектования, учета, хранения и использования музейных предметов и музейных коллекций.

103796	ПС 3-134	17004734	Кресло с переметной спинкой. Великий Новгород? XIV – XV вв. Т.2 С.16 (рис.11) Кресло. Вторая половина XIV – начало XVI вв. Великий Новгород Т.2. С.54 (ри.49)	Кресло, Россия, XVII в.
103796	ПС 3-23	17004759	Кресло. Великий Новгород? XIV – XV вв. Т.2. С.18 (рис.13)	Кресло, Россия, XVII в.
42148	Д-V-1729	28247215	Походная церковь. Русский север. XV – XVI вв. Т.2. С.19 (рис.14)	Походная церковь, Россия, конец XVI-начало XVII в.
1961ш	Д III-1149	6099380	Стульчик детский. XIII – XIV вв. Т.2. С.23 (рис.18)	Стульчик, Россия, начало XVIII в. В Госкаталоге период создания не указан, изображение отсутствует
19234	Д II-665	5367014	Стол. XV – начало XVI вв. Т.2. С.25 (рис.20) Т.2. С.81 (рис.76)	Стол, Россия, конец XVII-начало XVIII в. В Госкаталоге период создания не указан, изображение отсутствует
87266	Д II-1878	6098225	Стол. Конец XIX в. Россия Т.2. С.27 (рис.22) Т.2 С.34 (рис.29), С.38 (рис.33)	Стол, Россия, вторая половина XIX в. В Госкаталоге период создания не указан, представлено изображение ящика
33956	Д II-1390	5366364	Шкаф-библиотека. XVI в. Т.2. С.28 (рис.23)	Шкаф настенный, XVIII в. В Госкаталоге период создания не указан, изображение отсутствует
78678	Д-I-4137	24543481	Стул складной. XV – начало XVI вв. Т.2. С.42 (рис.37)	Стул, Российская Империя, 1870-1880-е годы
4343ш	Д-III-2386	6098472	Колыбель. Не позднее XVI в. Дерево, железо, резьба, токарная работа, раскраска Т.2. С.43 (рис.38)	Люлька, Россия, Ярославская обл., XVII в. В Госкаталоге период создания не указан, изображение отсутствует
15887ш	Д-III-2450	6097428	Свонец Русский Север XIII – XVI вв. Береза, железо, резьба,ковка Т.2. С.44 (рис.39)	Свонец, Россия, Олонецкий край, XVII в. В Госкаталоге период создания не указан, изображение отсутствует

34043	Д-II-672	5366663	Дверка от шкафа. Новгород. Последняя четверть XIV в. Т.2. С.45 (рис.40)	Дверка от шкафа, Россия, XVII-XVIII вв. В Госкаталоге период создания не указан, изображение отсутствует
1899щ	Д-II-659	5366575	Кресло, XV – XVI вв. Т.2. С.47 (рис.42)	Кресло, Россия, конец XVII в. В Госкаталоге период создания не указан, изображение отсутствует
37142	Д-II-832	5366934	Стул. IX – XI вв. Киевская Русь Т.2. С.48 (рис.43) Т.2. С.49 (рис.44), С.53 (рис.48) (повторы изображения стула)	Стул, Россия, первая половина XVIII в. В Госкаталоге период создания не указан, изображение отсутствует
87375	Д-II-2046	6099083	Шкаф-библиотека. XII – XIII вв. Т.2. С.62 (рис.57) Т.2. С.63 (рис.58), С.64 (рис.59), С.65 (рис.60), С.66 (рис.61) - фрагменты	Шкаф, Россия, начало XVIII в. В Госкаталоге период создания не указан, изображение отсутствует
42067	Д-III-4356	6099811	Стол. XIII–XIV вв. Т.2. С.69 (рис.64), С.70 (рис.65), С.71 (рис.66), С.72 (рис.67), С.76 (рис.71) – четыре изображения одной и той же филенки стола	Стол, Россия, XVI в. В Госкаталоге период создания не указан, изображение отсутствует
1880щ	Д-II-657	5366942	Кресло. XV – нач. XVI вв. Великий Новгород (?) Т.2. С.84 (рис.79) Т.2. С.86 (рис.81) - фрагмент	Кресло, Россия, конец XVII в. В Госкаталоге период создания не указан, изображение отсутствует
33956	Д-II-1390	5366364	Шкаф-библиотека. XVI в. Т.2. С.87 (рис.82) Т.2 С.92 (рис.87), С.93 (рис.88), С.94 (рис.89) - фрагменты	Шкаф настенный, Россия, XVIII в. В Госкаталоге период создания не указан, изображение отсутствует

О качестве работы с источниками, в том числе архивными документами

1. Из 313 позиций в списке научной литературы докторантом не используется 116 источников, в том числе 4 статьи автора диссертации. Автором диссертации обсуждаются исследования Зои Прокофьевны Поповой, крупнейшего специалиста по истории мебельного искусства, 56 лет проработавшей в ГИМе, вместе с тем из 20 работ З.П.Поповой, перечисленных автором диссертации в списке использованной научной литературы, в диссертации обсуждаются только три публикации этого ученого.

Из всего лишь 11 иностранных публикаций, которые перечислены в «Списке использованной литературы», только одна задействована в тексте диссертации, что вызывает недоумение в связи с обширной научной литературой

европейских ученых, посвященной мебели Средних веков²⁹. Поскольку иностранные источники автором диссертации по факту не использовались, соответственно и работа докторантом по поиску аналогов средневековой мебели в собраниях европейских музеев не проводилась.

2. Автором диссертации в «Списке использованной литературы» указано десять архивных дел Государственного архива Российской Федерации³⁰. При этом из этих источников в тексте диссертации используются только два архивных дела, причем название одного из них указано докторантом неверно (Ф.А2307. Оп.3. Д.357).

Названия архивных дел, которые не используются в тексте диссертации, также указаны неверно, крайние даты дел, отраженные в описях ГА РФ, не соответствуют датам, указанным докторантом в «Списке использованных источников». Дело «Переписка с Центральным музеем народоведения по административно-хозяйственным и финансовым вопросам и об учете и охране памятников искусства» (Ф.А2307. Оп.9. Д.127) обозначено докторантом как «Документы о передаче мебели с Мамоновой дачи».

Дела с архивным шифром Ф.А2307. Оп.21. Д.225 «Документы Музея мебели», которое указывает докторант (С.334, позиция № 10), в описи 21 фонда А2307 нет (в описи всего 24 дела).

Таким образом, полагаем, докторант непосредственно с делами ГА РФ не работал, в противном случае он бы знал, что в фонде А2307 есть опись 21 «Музей мебели» и задействовал все имеющиеся в описи дела (благо их совсем немного).

Более того, докторант мог бы обратиться к иным архивным делам, хранящимся в ГА РФ, в которых имеются документы, касающиеся судьбы древнерусского искусства в музейных собраниях, в том числе Оружейной палате³¹.

²⁹ Например, из последних работ *Lagane C. Meubles et ameublements médiévaux en Europe occidentale: VIe-XIIIe siècle* (2023), *Bernage G., Schorp G. Le meuble medieval: Ustensiles et céramiques de 500 à 1500* (2025).

³⁰ Далее – ГА РФ.

³¹ Например, Ф.926. Оп.1. Д.5 «Устав общества истории и древностей российских и повестки общества древнерусского искусства, адресованные Есипову Г.В.», Д.35 «Переписка Есипова Г.В. с министром императорского двора Адлербергом о ходе разборки и описания фондов Оружейной палаты, придворной и гофтингендантской контор. Приложены описи дел, намеченных к уничтожению», Д.168 «Статья Есипова Г.В. для путеводителя по оружейной палате "История оружейной палаты". (Черновики и материалы к ней)», Д.238 «Выписки из дел архива Оружейной палаты и Дворцовой конторы по истории быта царского двора» (документы XVII и XVIII вв.); Ф.А2307. Оп.8. Д.137 «Акты передачи художественно-исторических ценностей в Оружейную палату и описи этих ценностей», Оп.10. Д.161, 162 «Переписка с Музеем Оружейной палаты об учете музейного имущества и по административно-хозяйственным вопросам» (части 1 и 2), Оп.14. Д.18 «Протоколы Комиссии по наблюдению за упаковкой памятников древнерусского искусства, акты и списки памятников древнерусской живописи, отправленных на выставку за границу», Д.22 «Переписка с Оружейной палатой по вопросам учета музейных ценностей, их реставрации и по административным вопросам», Оп.15. Д.25 «Переписка с Оружейной палатой по вопросам учета и передачи музейных ценностей, акты приемочной комиссии, список книг из библиотеки Оружейной палаты»; Ф.Р5446. Оп.51а. Д.5605 «О передаче из Загорского государственного

3. Автором диссертации дается ссылка на фонд 369 «Договоры между иностранными государствами» Российского государственного архива древних актов (С.185, 231 и 291). Вместе с тем содержание цитируемых автором диссертации документов не относится к этому фонду.

4. Автор диссертации не обращался к архивным документам Российского государственного архива литературы и искусства, в котором также имеются документы по теме диссертации³².

5. Докторант скептически относится к использованию изображений мебели из Радзивилловской летописи: *«... не существует ни одного убедительного подтверждения, что изображаемые мебельные объекты являются воспроизведенными с натуры, а не обобщенным условным стаффажем или древними иконографическими штампами, необходимыми авторам лишь как вспомогательный материал для передачи частных ситуаций»* (С.116).

При этом автор, для подкрепления своих заключений обращается к иконографическим изводам, например, миниатюрам в «Житии Сергия Радонежского» (1417–1418 гг.) (Т.2. С.22. Рис.22) и в Хлудовском новгородском Евангелии (Т.2. С.89. Рис.84). Поэтому, хотя в летописных миниатюрах действительно есть *«обобщенный условный стаффаж»*, анализ Радзивилловской летописи в сопряжении с предметом исследования следовало бы провести.

Особо остановимся на миниатюрах Лицевого летописного свода «Царственная книга» середины XVI века, кстати, один из томов которого находится в экспозиции ГИМ. Если Радзивилловская летопись во многом следовала более древним образцам, то в Лицевом своде появилось громадное количество совершенно новых миниатюр (более 16 тысяч). Невозможно представить, что миниатюристы Лицевого свода не связывали свои изображения с окружающей их действительностью, что они видели одно, а на миниатюрах получался *«обобщенный условный стаффаж»*. И это в период, когда влияние Возрождения достигло в России своего пика.

историко-художественного музея-заповедника Государственной Оружейной Палате произведений древнерусского искусства»; Ф.Р5783. Оп.1. Д.152 «Советская литература о древнерусском искусстве». Статья П.Н.Савицкого, опубликованная в "Монд Слав"» и др.

³² Например, Ф.890. Оп.2. Д.30 «Статья [Трутовского Владимира Константиновича] с подробным описанием Оружейной палаты и экспонатов, хранящихся в ней»; Ф.1911. Оп.1. Д.5 «Опись мебели музея, переписка о передаче в Музей мебели, ковров, фарфора, картин и др. художественных произведений, расписки о получении вещей; акты передачи материалов домово́й церкви и собрания Постникова в музей и др.»; Ф.2329. Оп.4. Д.963 «Справка отдела "О состоянии хранения, собирания и изучения древнерусского искусства"», Оп.18. Д.99 «Инструкция по выявлению, учету и сбору произведений древнерусского искусства», Д.309 «Переписка с музеями, редакциями газет и журналов, трудящимися о коллекционировании произведений древнерусского искусства, проведении выставок, пропаганде изобразительного искусства. Имеется автограф П.Д.Корина»; Ф.3163. Оп.1. Д.1336 «Выписки из документов архива Оружейной палаты (фонд № 396), содержащие сведения о живописцах, строительстве и древних сооружениях Московского Кремля».

Следует учитывать особенности восприятия древнерусского человека. То, что автор диссертации именует «древними иконографическими штампами» – для современника той эпохи было значимыми образами и образцами. Говоря о необходимости воспроизведения с натуры, автор допускает антиисторическую модернизацию, поскольку предлагает мыслить по образу поклонников передвижников XIX века, позитивистов, не предлагая вникнуть в систему мышления человека Средневековья. В восприятии человека Средних веков важны священные прообразы, которые порой для него более реальны, нежели их земные отражения. Поэтому иконографическая модель является не «обобщенным условным стаффажем», а полноправной частью исторического контекста. Не учитывать влияние этих образцов, голословно и бездоказательно их отбросить – по сути, расписаться в методологической беспомощности.

Докторская диссертация в области культурологии не может быть только «про мебель», а она должна быть про образ жизни и стиль жизни, выраженный в предметах мебели. Автор должен был продемонстрировать свое глубокое понимание ушедших эпох. В итоге же в диссертации не обнаруживается ни одного прорывного решения в этом направлении. Получились рассуждения о средневековой и «народной» мебели с критикой авторитетных ученых, но тема диссертации осталась не раскрытой.

6. В обоснование довода об объемах и качестве работы мастеров Оружейной палаты автор диссертации 4 раза приводит цитату про то, что живописец Иван Богданов Салтанов писал «по наряду в Оружейную палату шкафы, стулы, столовые доски» и про то, что «ствольного и столярного дела мастера делали ... сундуки, шкатулы и столы походные с дорожниками» (С.135, 183, 231, 291–292)³³.

В связи с чем возникает вопрос, зачем в обоснование позиции о работах русских мастеров приводится одна и та же цитата, но не сообщается, что живописцу иноземцу «армянской веры», прибывшему из «Шаховой области» Богдану (Ивану Иевлевичу Салтанову) посвящена обширная литература³⁴.

³³ Полная цитата: «Живописцу Ивану Богданову Салтанову за краски 12 руб. Писал он по наряду в Оружейную палату всякие приказные и верховые дела: потешные древка, ларцы, подголовки, шкафы, стулы, столовые доски, киот, шахматы маленькие, оконницу, пушку железную, птицы деревянные разными статьями, потешные волчки». См. Описи записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1613–1725 г. М., 1883. С.443.

³⁴ Григорьян К. Живописец Богдан Салтанов в Московской Оружейной палате// Известия академии наук Армянской ССР. 1948. № 4. С.47–60, библиография см. статью «Салтанов Богдан Иевлев» в Большой российской энциклопедии. Кроме того, в РГАДА в фонде, дела из которого цитирует докторант, есть челобитная живописца Ивана Салтанова о даче ему для праздника Светлого Христова Воскресения против прошлых лет на нынешний год, денежного жалования (Ф.396. Оп.1. Ч.20. Ед.хран. 32389).

О недостатках в цитировании, фактологических ошибках и сутевых опечатках

1. *«Повторно практика, предпринятая Ф.Г.Солнцевым, была применена лишь во втором десятилетии XXI в. в книге «Гамбсова мебель в собрании Исторического музея» и в коллективном труде «Низвергнутые троны российского престола». Здесь артефакты публиковались не так, как было принято в XX в. – чаще всего в одной или, в редких случаях, в двух позициях, а в нескольких»* (С.80). Это утверждение неверно, см., например: Обмеры мебели. Выпуск I. Образцы мебели русской работы конца XVIII – начала XIX века. Под редакцией Н.Н.Соболева. М., 1940. 160 с.

2. Автор диссертации сообщает, что *«После ликвидации Музея Мебели монографические собрания мебели существуют лишь в системе хранения крупных отечественных музеев, таких как Исторический музей и Государственный Эрмитаж, в то время как практика включения мебели в смешанные художественные экспозиции и фонды музеев существует и поныне»* (С.74). Здесь пугаются разные понятия – *«монографическое собрание»* и *«смешанная экспозиция»*, одно дело – хранить предметы в фондах, другое – включать их в состав экспозиции музея. В теории и практике музейного дела *«смешанный фонд»* не используется³⁵. Возможно, автор диссертации использует профессиональный жаргонизм, но тогда его смысл следовало бы раскрыть в диссертации.

3. Докторантом используется слово *«уникум»* для описания принадлежности музейных предметов (С.50). Очевидно, это ошибка, уника – высший уровень интеллектуального или творческого развития личности. Возможно, автор имеет в виду *«уника»* – вещь, единственная в своем роде.

4. На странице 87 автор диссертации, описывая трон из Оружейной палаты, пишет: *«Соглашаясь со спорной легендой о его принадлежности приданному Софьи Палеолог, Д.Д.Иванов справедливо отмечал неаутентичное состояние памятника, который «<...> или сделан заново, или, по меньшей мере, сильно обновлён в XVII столетии»*. Вместе с тем Д.Иванов не соглашался со спорной легендой о принадлежности трона Софье Палеолог. Он писал: *«Предполагается, что древний царский трон из слоновой кости, хранящийся в Оружейной палате, был привезен Софьей Палеолог (XV в.). Несомненно, однако, что он или сделан заново, или, по меньшей мере, сильно поновлен в XVII столетии»*³⁶.

5. На странице 88 диссертации сообщается, что *«Еще одним ценным выводом, к которому пришел Д.Д.Иванов, является утверждение*

³⁵ См. Единые правила организации комплектования, учета, хранения и использования музейных предметов и музейных коллекций.

³⁶ Иванов Д. Искусство мебели. 1924. С.11.

о существовании курульных кресел «на перекрещенных ножках <...>, тип идущий из античной эпохи и широко применявшийся в эпоху Возрождения в Италии» в России. Отрицая популярность этой формы и противореча себе, Д.Д.Иванов констатирует, что вплоть до недавнего времени «в старых гостиных дворах провинциальных городов у древних салоппниц-лавочниц попадались складные кресла этого типа». На самом деле Д.Иванов не отрицает популярность этой формы, а замечает, что этот вид кресел «по-видимому, не очень пришелся по вкусу в России, но все-таки, вплоть до недавнего времени, в старых гостиных дворах провинциальных городов у древних салоппниц-лавочниц попадались складные кресла этого типа – поздние потомки изящных образцов из итальянских монастырей»³⁷.

6. Автор диссертации сообщает, что «Анализируя иллюстративный ряд раздела «Русская народная мебель», следует констатировать, что почти за 30 лет, истекших с момента выхода в свет публикации А.А.Бобринского, не произошло деления мебели на древнюю, созданную для высшего духовенства или аристократических слоёв общества, и на мебель крестьянскую XIX в. Таким образом, ранние памятники мебели были причислены к предметам крестьянского или наследно, так называемого, народного искусства» (С.92). Этот довод докторанта не соответствует замечанию Якова Рейтенфельса (1670), что «русские выделывают весьма искусно резные вещи»³⁸. Следовательно, критерий качества изготовления не может являться однозначным классифицирующим признаком древности мебели.

7. На странице 98 автор диссертации сообщает, что А.К.Чекалов в 1962 году «впервые публикует ценные сведения, называя использовавшиеся породы дерева, что по сей день является важным экспертным признаком: сосна, ель, береза, клен, липа, дуб, самшит, кавказский орех. Также А.К.Чекаловым был выявлен инструментарий мастеров, упомянув топор, скобель, тесло, долото, шило, нож, пилу, токарный станок». Это не так, например, Н.Н.Соболев в 1934 году подробно описал используемую древесину для предметов из дерева, а также орудия производства, которыми располагали наши предки³⁹.

8. На странице 104 автор диссертации сообщает, что Т.М.Соколовой в 1967 году «впервые поднимается важный вопрос установления подлинности артефактов, что относится к индивидуальным качествам эксперта «умение <...> отличить подделку». Вместе с тем проблематике установления подлинности произведений искусств уделялось внимание на всей истории коллекционирования, эта проблема сопряжена с понятием знаточества.

³⁷ Там же. С.13.

³⁸ Соболев Н.Н. Русская народная резьба по дереву. М., 1934. С.9.

³⁹ Там же. С.12, 14.

Например, в 1924 году устанавливалась подлинность «Мадонны» Рафаэля из собрания Эрмитажа⁴⁰.

9. Автор диссертации сообщает, что *«Ошибочным является утверждение о немногочисленности русской мебели XVII в., учитывая то, что главным хранилищем этого спектра культурного наследия издавна и по праву считается Исторический музей. В его фондах сосредоточено не менее 100 образцов, относящихся к этому периоду истории. В значительном количестве имеются памятники этого времени и в Музеях Московского Кремля. Собрание мебели Государственного Эрмитажа, на котором базируется исследование Т.М.Соколовой, не может рассматриваться как актуальное, т.к. представляет мебель императорской резиденции XVIII – начала XX вв. и реализует задачу демонстрации явлений истории и искусства исключительно позднего времени»* (С.108). С учетом заявления о *«неактуальности собрания мебели»* Эрмитажа возникает вопрос, почему этот музей выбран в качестве ведущей организации по диссертации.

10. На странице 110 диссертации сообщается, что Т.М.Соколовой и К.А.Орловой в книге, посвященной коллекции мебели Государственного Эрмитажа, сформулирован *«актуальный для исследования мебели тезис, определяющий основную проблему в изучении такого материала, в особенности, выполненного на ранних этапах истории, об отсутствии источников, позволяющих датировать предметы: «Отсутствие клейм и документации делает крайне затруднительным атрибуцию русской мебели, а для середины XVIII в. она, за редким исключением, почти совершенно невозможна»*. В данном контексте не понятно, на основании какой информации были определены коллегами экспонаты XVII–XVIII вв., включенные в иллюстративный ряд издания». В свою очередь, задаемся вопросом, как диссертант отнесла рассмотренные ею предметы к более раннему времени, нежели Т.М.Соколова и К.А.Орлова, если автор диссертации, как и упомянутые ученые, применяла метод формально-стилистического анализа.

11. На странице 120 автор диссертации называет выставку *«100 и двенадцать стульев из собрания Государственного исторического музея»* монографической, что неверно, поскольку на этой выставке не рассматривается целостная совокупность мебельного искусства, а были представлены стулья в ретроспективе стилей.

12. Автором диссертации указывается, что *«в архивных документах сохранились сведения о создании в XVII в. мебели в стиле барокко»* (С.213), но не сообщает, о каких именно документах идет речь, и архивные шифры этих документов.

⁴⁰ Известия. 21 ноября 1924 г. № 266.

13. «Виртуальное размещение предмета в культурно-историческом пространстве, анализ физических, технических и художественных параметров позволяют с наибольшей точностью определить датировку и в отношении мебели, созданной в IX–XVI вв.» (С.261). «Сегодня не существует надежных технико-технологических методов, способствующих определению времени изготовления мебели, поэтому экспертиза зависит от внимательности и опыта исследователя» (С.276). Эти заявления опровергаются многочисленными научными публикациями, в которых задействуются результаты химико-технологического анализа, дендрохронологического и радиоуглеродного датирования (см. выше).

14. На странице 28 имеется отсылка к Г.С.Кнабе, но без указания источника цитирования.

15. Автор диссертации сообщает, что «Именно поиск метода, как утверждает О.С.Сапанжа в статье, посвященной проблемам музееведения «<...> метода, позволяющего эффективно исследовать предмет науки, являлся важнейшей задачей не только для философов-рационалистов XVII столетия, но и всегда становился основной задачей каждой научной дисциплины независимо от времени ее возникновения» (С.76). Библиографическая ссылка на цитируемую статью в диссертации не приведена.

16. На страницах 84 и 85 приводятся цитаты из книги Г.К.Лукомского, однако в ссылке указана ссылка на страницу из книги А.А.Бобринского.

17. Автор диссертации, ссылаясь на труд Адама Олеария «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно» (С.150 диссертации), приводит цитату из текста без указания страницы источника цитирования и кавычек (видимо речь идет о ссылке на: *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 36, ил. между С. 36 и 37).

18. На странице 256 диссертации дается ссылка на Колин Ренфрю без указания источника цитирования.

19. Автор диссертации в сноске 5 на странице 26 указывает три публикации, в которых представлена «древняя мебель зарубежного производства»⁴¹. На самом деле, публикаций две, просто в диссертации Ральф Эвдардс указан как два разных человека.

20. Под номерами №252–258 в «Списке использованной литературы» указаны 7 публикаций автора диссертации в одном и том же каталоге «Низвергнутые троны российского престола» (2018): 2 статьи и 5 каталожных

⁴¹ «Edwards, Ralf. *The dictionary of English furniture*. – England: *Antique Collectors' Club Ltd*, 1990. – P. 1–3.; Shirley Abbott. *The National Museum of American History*. – New York: *Harry N Abrams*, 1981. – 495 p.; Ralf Edwards. *The dictionary of English furniture*. – England: *Antique Collectors' Club Ltd*, 1990. – P. 1–3.»

описаний. Так, на страницах 158, 218, 222, 224, 234 и 238 даны составленные Н.В.Углевой аннотации тронов Елизаветы Петровны, Александра I и Николая I, на прочих страницах интервала угнанных докторантом статей под №254–259 – фотографии тронов в разных ракурсах. С учетом этого указывать 7 публикаций из одного каталога представляется неверным.

21. В сноске на странице 47 указывается неверное название и год издания Отчета Императорского Российского Исторического музея имени Александра III за 1883–1908 годы. Также неверная ссылка на страницу этого издания указана на странице 50 диссертации.

22. На странице 58 неверно указана страница автореферата диссертации Т.В.Бойко «Московские музеи-монастыри в контексте культурно-просветительской политики Советского государства в 1917–1920-е гг.», который цитируется докторантом.

23. В сноске на странице 145 неверно указан год публикации автореферата диссертации Н.Н.Гончаровой «Северные расписные сундуки XVII–XVIII вв. из коллекции Государственного исторического музея: комплексное музееведческое исследование».

24. Отсутствие корректорской работы с текстом диссертации. Например: «2107» год вместо 2017 (С.26); неверно указан период царствования Елизаветы Петровны – «1841–1862» (С.241); «дата наряда [фигуры, изображенной на внутренней стороне дверцы] с учетом его особенностей была уточнена и обозначена 1815 г... Росписи внутренней части отнесены к 1715 г.» (С.310, 311) – очевидно имеется ввиду не 1815, а 1715 год. В библиографии фамилия Ф.Ф.Велишского указана неверно (№75 на С.341). В сокращении «РГГУ – Российский гуманитарный университет» пропущено слово «государственный».

Завершая отзыв, отметим, что автор диссертации переосмысливает методы атрибуции культурных ценностей и на основе стилистических параллелей рассуждает о происхождении музейных предметов ГИМ.

В итоге докторант предлагает согласиться с радикально пересмотренными им датировками в сторону «удревнения» музейных предметов вплоть до периода домонгольской Руси. Вместе с тем гипотеза, выдвинутая автором диссертации, не получила своего решения в створе научного знания, и остается предположением.

Автором диссертации не описана технология изготовления, конструктивные особенности и состояние сохранности рассматриваемых им музейных предметов. Не проанализированы технологии и контексты бытования предлагаемых для сравнения аналогов. Рассмотрение конструктивных особенностей предметов в контексте европейских стилей проведено без указания на конкретные, соответствующие изучаемым предметам, аналоги.

Предложенный автором диссертации «комплексный подход» представляет собой набор методов, но не содержит четкого алгоритма принятия решений. Атрибуции предшественников докторант априори отклоняет, ссылаясь на применяемый им в диссертации подход «методологической деаккумуляции знаний» (хотя С.Ю.Штейн ставит под сомнение функциональность подхода к «классическим искусствоведам»).

Этот необоснованно заимствованный подход ведет к риску игнорирования ценных сведений о музейных предметах и среде их бытования; создает угрозу циркулярной аргументации – порочного круга, когда новые атрибуции обосновываются на основе разработанного самим автором подхода без независимой верификации; что противоречит принципам источниковедения, где требуется критика источника, а не полное отбрасывание предшествующих данных.

Кроме того, игнорирование имеющихся исследований чревато проблемами этического характера: «деаккумулятор» рискует пройти в исследовании уже пройденные пути и изобрести велосипед, не ссылаясь на коллег. Таким образом, успешность применения «комплексного подхода» к изучению музейных предметов сомнительна, а результаты диссертации и ее апробацию вряд ли можно считать достоверными.

Хотя подход автора диссертации и содержит полезные импульсы к критическому пересмотру устаревших или возможно неверных атрибуций, но в текущей формулировке представляет методологическую угрозу для музейной практики. Его можно рассматривать только после отказа от концепции «деаккумуляции знаний» в пользу критической оценки, разработки верифицируемого алгоритма принятия решений и введения обязательной независимой экспертизы для радикальных переатрибуций. Без этих модификаций применение подхода может привести к массовым ошибкам в экспертизе, искажению исторической картины и юридическим рискам для музеев при комплектовании фондов.

Еще раз подчеркнем, что в диссертации не рассмотрено развитие музейного дела в Российской империи на протяжении XVIII века и, особенно в петровское время, поэтому вывод докторанта о том, что древняя мебель с XIX века становится объектом музейного коллекционирования, несостоятелен.

Из исследовательского инструментария необоснованно исключен радиоуглеродный анализ, метод дендрохронологического датирования в диссертации не применяется.

Девять публикаций иностранных авторов по теме диссертации (исключая две работы автора диссертации) явно недостаточны, как с учетом наличия обширной европейской научной литературы на эту тему, так и того, что автор диссертации обращается к аналогам из скандинавских музеев.

Большое количество умозрительных оценок, рассуждений, неочевидных стилистических параллелей, смысловых ошибок и опечаток, свидетельствует

о том, что автор не проработал текст диссертации до ее принятия к публичной защите.

Таким образом, положения и выводы в диссертации являются научно необоснованными, не обладают научной новизной и достоверностью, в связи с чем диссертация на тему «Музейная атрибуция древнерусской мебели: подходы, методы, практики» не соответствует требованиям, указанным в пунктах 9 и 10 Положения «О порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (с посл. редакцией), а ее автор Наталья Владимировна Углева не заслуживает присуждения ученой степени доктора культурологии по специальности 5.10.2 «Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов».

Тмау

Кирилл Евгеньевич Рыбак

доктор культурологии (24.00.03)
ассоциированный научный сотрудник ФГБНИУ
«Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени
Д.С.Лихачева»

129366, Москва, ул. Космонавтов, д. 2
Тел.: +7 (495) 686-13-19
e-mail: kvr1482@gmail.com

Подлинность подписи К. В. Рыбака удостоверено.

Начальник
отдела кадров

М.В. Иваново

12.02.2026

